

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОН И «ПРИЗРАКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ»

Перефразируя широко известное выражение, можно сказать, что вот уже более полувека по историографии византийского Херсонеса/Херсона бродит призрак - призрак «самоуправляемого города». Примеры встреч с ним отнюдь не случайны, к тому же зачастую исходят от весьма авторитетных исследователей. Так, М.И. Артамонов указывал на то, что в начале VIII в., в период внутренних неурядиц в Византии, в которых Херсону довелось сыграть важную роль, этот город, балансируя между Византией и Хазарией, приобрел фактическую независимость и пользовался местным самоуправлением¹. Важное стратегическое значение Херсона как форпоста Империи ромеев в Таврике, по мнению некоторых византинистов, вынуждало Византию идти на некоторые уступки по отношению к нему - на признание принципа греческой полисной автономии, то есть самоуправления². Даже тогда, когда Н.М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью ромейских императоров, был включен в административную структуру империи, а в состав его управления входили имперские чиновники, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии, среди которых одной из основных являлось сохранение «... отдельных элементов городской автономии и самоуправления, имев-

ших давнюю историческую традицию: наиболее стабильным из этих элементов был непрерывавшийся в X - XII/XIII вв. чекан собственной монеты»³. При этом почему то забывается, что, к примеру, Сицилия - Калаврия, будучи фемой, тоже выпускала деньги на местных официналах, но никому не приходит в голову видеть в этом «элемент самоуправления». Тем не менее и А.И. Романчук разделяет вышеназванные взгляды, категорично заявляя: «Для ранневизантийского периода следует отметить наличие самоуправления в Херсоне (печати архонтов), которое не было полностью уничтожено введением фемы»⁴.

Представления о некоем особенном полисном, автономном «самоуправлении» византийского Херсона, наподобие средневековых «республик» Далмации⁵, в специальной литературе выглядят как расхожий штамп, с некоторых пор не подлежащий обсуждению. Вопрос как будто решен и закрыт. Даже сомнения, посещающие в последнее время некоторых исследователей, не в силах преодолеть авторитет сложившегося клише, и поэтому, рассматривая противоречащие ему материалы, специалисты в итоге не отказываются от устоявшихся позиций и пытаются примирить непримиримое. Именно так выглядят появившиеся недавно работы, которые вводят в обращение ценнейший сфрагисти-

ческий материал, открывающий новые стороны организации административного управления раннесредневекового Херсона. Казалось бы эти источники не оставляют сомнений в имперском облике администрации византийского города, однако делаемые на их основании выводы влетают во все тот же знакомый репер о якобы традиционном стремлении Херсона к самостоятельности. Более того, заявляется, что «элементы античного самоуправления не исчезают и к периоду расцвета фемного строя, а продолжают существовать на всем протяжении IX и X вв.»⁶

На чем строятся подобные заключения? Почему администрация византийского Херсона видится какой-то особенной, едва ли не уникальной, так и не разорвавшей своей пуповины с античным прошлым полиса, а сам город представляется этаким «островком вольнолюбия»?

Это выглядит особенно странным, поскольку, согласно римскому праву, все проживающие в «римском ареале», если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, то есть были его подчиненными, подданными - *urekooi* - прежде всего были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру империи⁷. Поэтому городские власти в лице архонтов, «отцов города» *protopolitov*, «известных и протевоннов» (*emphaneis kai proteuontas*), на которых обычно указывают⁸, по крайней мере с эпохи Юстиниана уже вполне соответствовали облику обычных провинциальных византий-

ских чиновников, подотчетных имперскому центральному управлению, тем более, что такого рода служилое «начальство» воспроизводилось и пополнялось главным образом из рядов влиятельной местной аристократии, городской знати, состоятельных собственников⁹. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода «дворянство мантии»¹⁰.

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспособивали к своим нуждам органы общинного городского самоуправления. Поэтому формально оно сохранялось долго. Например, при Диоклетиане Никомедия сделалась столицей Востока империи, центром ее администрации, но еще для V в. известен эпиграфический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомедии и ее грамматевс - секретарь¹¹. Мало того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие политов. В новых условиях присылке правителей со стороны в провинциальных городах иногда были даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольны будут более беспристрастны и справедливы, не будучи скованы личными симпатиями и антипатиями, ибо не знают местных жителей. Именно о такой услуге просил Синесий у Триола, советника префекта претория Анфимия, имея в виду города Киренаики¹². Дело в том, что централизованные формы управления городом глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла васи-

девса Льва VI, декларирующая в словах отмену управленческих прав городских курий, имела скорее абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, плохо сочетаемое с нормами и реалиями городской политической жизни даже V - VI вв.: не говоря уже о VII - IX вв.¹³

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем протевонов и архонтов едва ли не главное свидетельство сохранения местного самоуправления, особого статуса полисной организации города в VII - VIII и последующие века, по крайней мере до назначения сюда стратига василевсом Феофилом¹⁴. По последним уточненным данным это произошло не ранее 839 г. и не позже января 842 г.¹⁵ Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был «возвращен» Византии лишь в IX в.¹⁶

На самом деле термин «первенствующие» (*proteuontes, protoi, proteuontes protoi tes poleos, proteion*) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения института властей и знати Херсона¹⁷. К тому же понятия «чиновничество» и «аристократия», «знать» для византийцев этого времени были почти синонимами¹⁸. В VIII - начале IX вв. протевоны были даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами — протами ком и низшими платными служащими — ипиретами (*protoi tes komes, uperetai*)¹⁹. Пользуясь превосходной

сводкой, составленной А.П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, «первенствующих» можно найти в V-VII вв. в ромейских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерики), Спарте («Лавсаик» Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй пол. VIII - начале IX вв. - в Амастре (Житие Георгия Амастридского); во второй пол. IX в. - на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой пол. X в. - в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. - в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)²⁰. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой пол. XI в.²¹ Связь его со стратой служивших лиц империи весьма прозрачна и легко улавливается.

Впрочем, «протевон» иногда могло быть родовым именем, как это видно по печатям стратига Иоанна Протевона, отправлявшем эту должность и в феме Херсон, и, вероятно, в феме Пелопоннес (и там, и там в «генеральском» чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала херсонесскую печать второй пол. X - началом XI в., а Н. и В. Зайбт - рубежом X-XI вв.²² Но не исключено, что она, как и другой аналогичный моливдул, относится к более раннему времени, так как имя Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа, происшедшего в правление Романа I Лакапина (921-944) в феме Пелопоннес²³. Вот только последовательность карьеры протоспа-

фария не ясна. Н.А. Алексеевко полагает, что за «неудачу в Пелопоннесе» он был переведен василевсом подалеже в глушь, «из центральной области империи в далекую провинцию Херсон»²¹. Но с точки зрения окраинности эти два места могли потягаться друг с другом, тогда как родовое имя Протевои вполне подходило бы уроженцу знатного семейства «первенствующих» Херсона, хотя последнее ещё надо доказывать²².

Эдиктом Юстина II, изданным в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избираемы были епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего избранных должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение²³. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась в VI-VII вв. из куриалов, представителей родовитой полисной аристократии и частично совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата²⁴. Им, как никому другому из государственных лиц, были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от «городского первенствующего» зависело распределение общественных повинностей и назначение горожан для их выполнения²⁵. По сути дела они ничем не отличались от чиновников по своим функциям, а «самоуправление по имперскому поручению» в условиях прогрессирующего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «но-

билей», а в VIII-IX вв. выродилось в институт «властвующих» - всевозможных архонтов разных рангов²⁶. Ганс-Георг Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением²⁷. По данным, собранным О.Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI-VIII вв. она была представлена прослойкой средних и крупных земельных собственников или долгосрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту²⁸. Согласно Житию Георгия Амастридского, к «избранным города» (*tes poleos ekkriton*), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (*oson te toy ieratikoy katalogoy kai oson en telei*)²⁹. Славянская версия Жития Стефана Сурожского, отразившего события VIII - первой пол. IX вв., упоминала в числе первых людей «мужей старейшин гродных»³⁰. Очевидно, это были те, кого Константин Багрянородный в «Жизнеописании Василия» называл людьми, «к управлению причастных и делами занимающихся»³¹. По закону знатным считался не просто богатый, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом³². Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только от лица (*ek prosopou*) василевса и, сле-

довательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя³⁶.

Крах античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего средневековья органы городского управления, как и в других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, преимущественно солидных торговцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийским центрами, и, возможно, ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых крупных промысловиков, получавших доходы от местного соляного и рыбозасоленного промыслов³⁷. На то, что в первой пол. X в. такие «первенствующие» в Херсоне несомненно были чиновной знатью недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария, *epi ton oikeiakon* - чиновника, имевшего отношение к управлению имперскими имуществами, именными, и одновременно протевона Михаила³⁸, каковую могло иметь только официальное должностное лицо, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и полисного самоуправления. Как и в метрополии, они существовали здесь до конца X - первой пол. XI вв.: этим временем Н. и В. Зайбт и Н.А. Алексеенко датируют моливдулы протевонов Херсона — царского протоспафария, хрисотриклинита Иоанна, а также патрикия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)³⁹. Даже так называемые «отцы города» (*pateres tes poleos*), извест-

ные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах, по меньшей мере с конца IV века⁴⁰, обзаводились главным атрибутом чиновника - печатью, как некий Сергий, моливдул которого относится к первой пол. X в.⁴¹ Это, действительно, была «реально существовавшая должность», возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных, судебных и финансовых функций, должность явно управленческая, если вспомнить все немногое, что известно о ней из слов Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Константина Багрянородного, но отнюдь не самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. Примечательно, что в IX - X вв. титул *pateres poleos* был неразрывно связан с должностью эпарха, очевидно, благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием⁴². Без утверждения со стороны центрального правительства такая должность была немислима, как и должность еще одного имперского чиновника - экдика города. Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н.А. Алексеенко относит к концу IX - началу X вв., мог распоряжаться в фемном Херсоне только как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии, когда отправлявшие ее получали высокие титулы «светлейших», «сиятельных» — клариссимов (лампротатов) и имели полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или «защитника» - дефенсора города⁴³. Так, в середине VI в.

эдикт с титулом лампротат был известен как дефенсор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как «славный комит и красноречивый эдикт»⁴¹. Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что печати херсонесских эдиктов принадлежали государственным чиновникам, и тем не менее за ними ему продолжают грешиться «определенные черты самоуправления». По его мнению, несмотря на то, что эдикты Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации⁴². Между тем правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти чиновники были государственными служащими, они одновременно представляли власти византийского города.

Не меняют этого вывода и находки печатей еще одного чиновника - кира Херсона. Это была именно должность, хотя аналогичный титул *kyrios (domnus)* - «господин» фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как *illustres, magnifici, gloriosi*⁴³. Именно так назывался кир Иоанн, моливулд которого, относящийся к VIII - первой пол. IX вв., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул *ипата* и, судя по следам ткани на одной из сторон буллы, занимался опечатыванием грузов, отправляемых из Херсона⁴⁷. Еще две печати из недавних находок, принадлежавшие *ипату* Льву, Н.А. Алексеенко относит к рубежу VIII-IX вв.⁴⁸, ко времени, ког-

да судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике действовали также «кир Готии и его архонты» (*to kyro Gothias kai tois archoysi*), в числе которых значился, очевидно, и кир Фулл (*o kyrios ton auton Thoulon*)⁴⁹. Все они были православные правители, топархи, в ситуации кондоминатного византино-хазарского владения в Крыму радевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары «подчинили страну их» (*ne katakyrieusai tes choras auton*)⁵⁰. В их действиях то и дело проглядывает ориентировка на указания Константинополя, стремление сохранять личину верноподданных василевса ромеев. В одной из версий Жития Феодора Студита, написанной во второй пол. IX в., содержится любопытная подробность: около 795 г. «топархи Готии и Боспора» (*outos o tes Gothias outos o tes Bosporoy toparches*) последовали за незаконным «прелюбодеем» Константином VI, то есть по его примеру взяли себе новых жен, отчего от общения с ними якобы отказались все живущие по соседству епископы и пресвитеры климатов Херсона и Боспора (*en tois klimasi tes kata Chersona kai Bosporon paroikias*)⁵¹. Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров - топархов остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать правителей - наместников пограничных областей Византии, то собственно городские кiry вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате и на имперской сановной лестнице. К слову,

последнее обстоятельство наиболее убедительно указывает на то, что это не были самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях. Свобода в тех условиях была бы слишком тяжелой ношей, лишала бы покровительства и с этой точки зрения оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае, в былом «демократическом», полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе, она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии, а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную автономию не просто в виде вынужденного компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром⁵².

Призрачность этой автономии подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей жизнь города. Бдительное око имперских властей то и дело обращалось к Херсонесу даже до того, как он окончательно вошел в состав империи, а императоры не забывали его в своих указах, эдиктах. Если правильно интерпретирован фрагмент одного из таких декретов, уже

Феодосий I разрешил федератам из числа варваров селиться в городе и его округе, а Гонорий в 408 г. подтвердил это право⁵³. Сентябрем 419 г. датируется постановление Гонория и Феодосия II об освобождении от наказания херсонцев, раскрывших варварам секреты кораблестроения⁵⁴. Со временем императорской властью было возложено на город отправление морской повинности, связанное с поставками корабельного снаряжения, причем отменена она была опять-таки императорским решением только в последней трети VI в.⁵⁵ В период правления Зинона - Юстиниана I гражданские дела в городе находились в ведении префектуры Востока, к которой скорее всего принадлежали комиты, присылаемые в Херсонес с конкретными поручениями⁵⁶. Будучи проводниками государственной политики, они курировали дела города, получившего статус императорского. Комиту в свою очередь подчинялся викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом, занятым сбором разнообразных, в том числе торгово-ремесленных налогов, которые шли на содержание военного гарнизона, войск и оборонительное строительство. Таким образом, наблюдается четкая вертикаль власти, соответствующая позднейшим византийским стратигу, каркулярию и коммерциарию или протонотарию. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредотачивался надзор за военной и гражданской властью, так как кроме командования войсками, он еще и контролировал городские финансы. Похоже,

задолго до введения в империю фемной системы, управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников.

Во время правления Юстина II и Маврикия Тиверия в городе все так же сохранялось присутствие государственных чиновников⁵⁷. Только вместо комита в Херсон с аналогичными функциями назначается страдилат и дука, которого следует рассматривать в качестве представителя верховной власти империи в Северном Причерноморье. На него были возложены функции гражданского управления, а кроме того он командовал и вооруженными силами Херсона⁵⁸. Тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемые эспонды - союзники, федераты империи из аланоготов⁵⁹. Очевидно, для удобства сношения с ними в городе были особые имперские служащие - переводчики, скорее всего из числа местных жителей, хорошо знавших языки «варваров». Два экземпляра моливдула такого переводчика, Стефана, датируются второй пол. VI - первой пол. VII вв⁶⁰, как раз укладываясь в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых «длинных (больших) стен», отдельных кастра, фрур на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале и в других местах «страны Дори» или «климатов Готии».

На время напряженных отношений с тюрками в 70-80-е гг. VI в. приходят моливдовулы императоров

Тиберия Константина и Маврикия Тиберия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизировалась и имперские чиновники взялись здесь за строительство укреплений, общественных зданий и, надо думать, самых крупных христианских храмов⁶¹.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 г., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, самих императоров, о чем свидетельствуют находки двух моливдовулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (около 616-625 гг.)⁶².

В империи все платили подати. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от этого не должны были быть свободны ни «божественный дом» (ου Theios oikos), ни церковь, ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов⁶³. Уже в VI в. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий, собиравший деньги в кассу ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедрот»⁶⁴. Регулировать перераспределение товаров и собирать казенные сборы с города продолжали и позже, о чем свидетельствуют находки печатей коммерциариев VII - VIII вв., печатей главного логофета (geniko logothete), императорского спафария (Феофана?)

второй пол. VIII в. и следующих за ним вплоть до середины - второй пол. X в. главных логофетов в чине магистров, анфипатов патрикиев, императорских протоспафариев, что подрывает мнение исследователей об освобождении города от налоговых повинностей⁶⁴. Недавно к этому ряду памятников, оставленных лицами государственной финансовой администрации, добавился моливдул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария *ton Manganon kai Chersonos*, то есть принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих известного константинопольского секрета Мангана и одновременно контролировал какие-то императорские имущества в Херсоне. Н.А. Алексеенко, опубликовавший печать, считает, что ее присутствие указывает на «определенные налоговые привилегии, наличие которых, скорее всего, ... освобождало Херсон от каких либо других чиновников фискальной службы империи»⁶⁵. Однако с не меньшим основанием можно допустить, что она свидетельствует об обратном, — о финансовом контроле за городом со стороны столицы и взимании определенных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось кроме того через коммерциариев, хартулариев, логофетов, чья документация зафиксирована сфрагистическими источниками Херсона VII - X вв.

Поэтому можно задаться следующим вопросом: на чем строиться постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что «не

позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти»⁶⁷. С этим, звучащим как аксиома, тезисом никак не согласуется назначение в город имперских титулярных чиновников, примером чему может быть спафарий Илья, дорифор - «копыносец» василевса, в 711 г. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против «непопулярного» императора⁶⁸. При этом И.А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй пол. VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегического значения Херсона (*sic!*)⁶⁹. Однако невозможно представить, что это был единственный в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел. В этом плане следует обратить внимание на печать Феодора, ипата, спафарокандидата и архонта Херсона, тоже одну из сравнительно ранних (VIII в.), а также на моливдулы Зоила, ипата и архонта Херсона рубежа VIII-IX вв. или первой четверти IX в.⁷⁰

Кроме того о низком ранге обладателей таких печатей можно говорить с большой натяжкой. Сан ипата относился к синклитикам, то есть не имел военного характера. Тем не менее это было достаточно высокое звание, соответствовавшее преждему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Оно следовало сра-

зу за титулом спифария, имевшего, однако, военный характер⁷¹. Во всяком случае, звания ипата было вполне достаточно, чтобы получать очень высокие должности. Например, ко второй половине VII - первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха - правителя Италии, то есть представлял василевса на территории Равеннского экзархата⁷². Ими чаще всего становились дуки и другие представители высшей военной аристократии⁷³. Позже, около середины IX в. ипат Зоил был среди первых фемных стратигов Херсона⁷⁴. Даже в XI в. стратиги со званиями ипатов были главами округов, городов - крепостей, например, на территории армянского Васпуракана⁷⁵. На важную должность комита Опсикия, малоазийской области, чьи вооружённые силы играли роль личной императорской гвардии, в VIII - начале IX столетий тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патрикии, и спафарии. В трактате «О фемах» Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены должности стратигов и фемы, комитами называли стратигов⁷⁶. Следовательно, в понимании ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсикия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолики, Армении и Фракисия) и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте⁷⁷. Так что отправление должности в ранге ипата либо более высокого сана страто-

ра или спафария ни в коей мере не умаляет положения византийских чиновников в Херсоне, долгое время, до создания фемы в конце 30-х гг. IX в. являвшегося одной из архонтий Ромейской империи⁷⁸. Именно так его неоднократно называл Никифор в своем «Бревиарии»⁷⁹.

Несмотря на дискуссионность, спорность понятия византийский провинциальный архонт, непреложным является то, что преимущественно это были должностные лица из числа состоятельных провинциальных землевладельцев, владельцев недвижимостей, которые находились под имперской юрисдикцией, входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов, решали вопросы местного управления⁸⁰. Необходимо отметить также и то, что главы архонтатов в основном примыкали по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев, хотя бывало среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)⁸¹. Те же самые звания преимущественно имели архонты Херсона в VIII - IX вв.⁸², которые, таким образом, были «не лучше и не хуже» глав других архонтий. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей в последней трети IX столетия⁸³ и крушение «полисного самоуправления» Херсона, равно как и «преобразования в городском хозяйстве», здесь, конеч-

но, не причём⁸⁴. Таким образом, магия слова «архонт», уводящая к древним временам херсонесской полисной общины, невольно заволакивает ясность исторического взгляда многих исследователей и наталкивает на неправомерное сопоставление совершенно разнородных понятий, лишь волею случая обретавшихся в разные эпохи под одним и тем же греческим термином.

Обычно считается, что основной задачей Петрона Каматира, после того, как он стал к 841-842 г. прото-спафарием и стратигом Херсона, явилось «ограничение власти протевон и подчинение муниципалитета центральной власти»⁸⁵. Однако такаявольная интерпретация источников (42 главы «Об управлении империей» и очерка о Феофиле Продолжателя (Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, которое указывает на то, что Петрона, хорошо знавший положение дел в Подонье и Таврике, более не регулируемых совместными действиями византийских и хазарских властей, советовал императору не полагаться на тамошних чиновников, протевона и «так называемых отцов города» - местных архонтов, а организовать «избрание своего стратига» (*proballoy strategon idion*)⁸⁶. Иными словами, упразднить прежний статус Херсона как архонтии и, создав стратигию, упрочить военно-административные позиции константинопольского правительства в пограничном анклав, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возраставшего расхождения с хазарами и появления венгров. Поскольку глагол *proballo*

имеет значение «выставлять в качестве кандидатуры», «предлагать к избранию», можно думать, что Херсоном до этого управляли в основном выдвигаемые на месте чиновники из числа городской знати и присылка верховного должностного лица со стороны, из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, было делом достаточно необычным, редким. Согласно повелению Феофила, «протевон и все другие», то есть штат местных чиновников, действовавших «от лица» василевса, должны были с той поры безоговорочно подчиняться «избранному» стратигу, облаченному доверием самого императора⁸⁷.

Кстати, если Петрона Каматира действительно был стратигом Херсона из числа «чужаков», не следует ли ожидать находок сфрагистических сведений о более поздних отправителях такой должности и из числа местной знати? На это, например, указывают две недавно обнаруженные печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона конца X - начала XI вв.⁸⁸ Ведь известные слова о правиле «... отсюда (*ton enteythen*) для Херсона избирать стратигов»⁸⁹ могут пониматься двояко. Местные могли исполнять обязанности стратига Херсона, не получая этой должности, а лишь имперское звание, чин. К примеру, на лицевой стороне печати такого знатного лица второй половины IX - начала X века - некоего Цула, род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения, а на обороте значилось его имя с прибавкой «царский спафарий Херсона».

В любом случае, случившееся событие не носило экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, конечно, не была «чрезвычайной»⁹⁰. Стратиги посылались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должность одновременно с архонтами, но «прямое императорское правление» не было новостью для Херсона, который подобно другим провинциальным центрам Византии давно управлялся представителями имперской администрации, независимо от того, были ли они приезжими чиновниками или принадлежали к архонтам и «первенствующим» из местной аристократии.

Когда новая фема все же была организационно оформлена к самому началу правления малолетнего Михаила III (842 - 867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры, первое время ею могла быть только фема Климатов. Примечательно, что именно 842-843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне⁹¹. К этому же времени относится Тактикон Успенского, где впервые фигурирует фема Климаты. Её стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патрикия (*o patrikios kai strategos ton klimaton*) на 23 месте из 79 в списке высших титулярных чиновников, патрикиев и протоспафариев, и на последнем, 17 месте, в списке патрикиев и стратегов фем⁹². Архонты собственно Херсона (*oi archontes chersonos*), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со стратигом функции управле-

ния, но находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии⁹³. К примеру, Крит также значился среди фем, занимая предпоследнее место перед Климатами, однако ниже, на 58 месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также «архонт Крита» (*o archon kretes*)⁹⁴, а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе наравне с аподоместиками, эскувиторами и друнгариями, то есть провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата стратига⁹⁵. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем⁹⁶. К слову, если бы Херсон продолжал считаться в это время архонтией, на чем настаивает И. А. Баранов⁹⁷, ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (*o archon dalmatias, o archon kyproy*)⁹⁸, еще долго действительно остававшихся архонтатами. Их «первенствующим» в свою очередь подчинялись прочие архонты. В конце списка чинов в ранге спафариев на 54 месте из 59 в Тактиконе 842 - 843 гг. еще раз были указаны «апархонты Далмации» (*oi spatharioi kai aparchontes dalmatias*), а также добавлено «и прочие архонты» (*kai loipon archontion*)⁹⁹.

Состав херсонских фемных властей остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно полный

оффиций любого стратига включал хотя бы одного турмарха или мерарха - глав военного подразделения (турмы или меры - «части»), «главу палатки» - комита *tes kortes*, - фактически начальника штаба стратига; протонотария, возглавлявшего гражданскую администрацию; хартулария, выполнявшего не только военные, но и финансовые функции, и связанного с логофетом *top stratiotikon*; доместика, друнгария военных отрядов - ванд. комита ванда, протокентарха или нескольких кентархов спафариев - командиров 40, 50, 100 воинов, комита *tes etaireias*, протоканцеллария - канцеляриста и протомандатора - «адъютанта», посыльного¹⁰⁰. Известно, что комиты соответствовали архонтам¹⁰¹ и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климатов - Херсона. Однако уже Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX - X века - в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «...намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития ... Стратиги Херсона, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, то есть иногда не состоят и в разряде *oi basilikoi* («царевы мужи»)»¹⁰².

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту картину¹⁰³, но в основе своей она верна: фема была невелика и ее глава, очевидно, не нуждался в постоянном полном штатном штате. Таким же небольшим по количеству мог быть состав её военных сил. Опи-

сывая в трактате «О фемах» устройство Анатолийской фемы, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомлённого чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должность стратигов и имели «... начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев (*dexiolaboys*)»¹⁰⁴. По численности это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века н.э.¹⁰⁵ Кроме того, удобная гавань Карантинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для «царских кораблей», на что указывают находки печати топотирита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще одного императорского протоспафария и друнгария флота¹⁰⁶.

Кстати, обилие печатей стратигов указывает на то, что они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4 - 6 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах империи, например, Сицилии в VIII - IX века. Видимо, объяснять этот феномен частой сменяемости только тяжёлой военной обстановкой, частой гибелью стратигов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправданно¹⁰⁷. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее, в этом можно видеть стремление правившего центра «перетасовывать чиновную колоду»,

дабы избежать эффекта привыкания, вращая в местную среду знати и, как следствие, роста провинциально-го сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует относительно низкий ранг званий стратигов Херсона этого времени (протоспафарий Петрона Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарокандидат Иоанни, императорский спафарокандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Феофаний - титулы чиновников соответственно 11, 7, 8 и 9 рангов), тогда как с рубежа IX-X вв. преобладали моливдулы стратигов преимущественно с саном спафарокандидатов или протоспафариев (9 и 11 ранги)¹⁰⁸. Однако в IX столетии и другие, более крупные и важные фемы возглавляли стратиго с подобными «низкими» званиями. В этом плане показательны приводимые Н и В. Зайбт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же звании важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи - Анатолика¹⁰⁹. Так что «сановный индикатор» оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф. И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них записей не только от старшинства чи-

нов, но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими званиями¹¹⁰.

Видимо, есть определенная условность тактиконов в самом показном именовании фемных стратигов только патрикиями. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеем в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфипатом патрикия, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона ранее последней трети X в. именно в таком высоком звании¹¹¹. Очевидно, поэтому И. А. Баранов полагал, что протоспафарий Петрона Каматир не мог быть по своему положению и дворцовому чину стратигом фемы¹¹². Но, согласно Тактикону 842 - 843 гг., подтвержденному данными сигиллографии, в стратигиды могли назначаться стратиго и в ранге протоспафариев, занимавшие в этом случае 27 место среди 79 высших чинов¹¹³. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителями других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее второй трети IX в., среди прочих моливдулов имперских должностных лиц - аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиариев. Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратигии та «мощная полисная организация» с

имперскими титулованными архонтами - «представителями самоуправления» (sic !), которая, якобы, существовала в городе в 30 - 60-х гг. IX в¹¹⁴

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о государственном устройстве раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческими буквами Π на аверсе и реверсе, Π на аверсе и Χ на реверсе, ΠΧ на реверсе и ΜΒ на аверсе, буквой Β на аверсе и Π или ΠΧ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель «крепкой традиции самоуправления», «духа свободолюбия» той муниципальной организации Херсона, а именно «полисной администрации», что была способна отстоять «полисные свободы» и даже «противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу»¹¹⁵. Однако не может не настораживать, что в правление Михаила III (842 - 867) и Василия I (867 - 886) монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без этого «древнего символа полисного самоуправления», на что указывают монеты с аббревиатурой ΚΛ или ΚΛΜ, с характерной буквой Β, похожей на «замочную скважину», и крестом на ступенях, и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (ΚΒΩ) и крестом¹¹⁶. Без «полисного девиза» отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886 - 912) и его брата Александра (ΛΕ или ΛΑ на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление беспутного Александра (912 - 913 гг.) на реверсе херсонских монет в очередной раз по-

явились буквы ΠΧ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод¹¹⁷. Впрочем, это не помешало И. В. Соколовой, противореча себе, заключить: «Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869 - 879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов». О курьезе «поразительного совпадения» мы уже говорили (оно относится ко всей империи), а надпись *poleos Chersonou* встречается даже на печати стратига Херсона приблизительно последней трети X века¹¹⁸. Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то «своеобразных компромиссов» официального Константинополя с сугубо местными независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582 - 602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И.В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII - первой четверти VIII века¹¹⁹. Но их нет, за исключением надписи «Херсон» на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518-527), тогда как монограмма «Πολεος Χερσονος» появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527 - 565); легенда ΧΕΡΣΟΝΟΣ присутствует на медных фоллисах Маврикия (592-

602); буквой X был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610 - 641) (если только это был херсонесский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонесские фоллисы Ираклия и его сына - сорводителя Ираклия Константина (610 - 641), литые полуфоллисы VII - VIII вв. с буквами B на аверсе и D на реверсе¹²⁰.

Похоже, что такого рода «деви-зы» то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чаще сокращенных, приходится на VI - VII вв.¹²¹, изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (CIK, KT, R, RM, ROM)¹²². На прочих монетах в VIII - X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и X на херсонесских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а, напротив, крепили как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П как начальный знак слова P(OLIS), в тех случаях, когда она ставилась на херсонесских

монетах IX в. обособлено, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город империи часто называли в Византии просто «Полисом»¹²³. Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоятельной части своей «Хронографии», подразумевая Константинополь¹²⁴. Местные оффицины, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К тому же само понятие «полис» совсем не обязательно имело в VIII - IX столетии значение некоего древнего элементарного символа. Так, в актах Вселенских церковных синодов названия епископских центров с обязательной припиской «полеос» (tes Koloneaton poleos, tes Nikopoliton philochristoy poleos и пр.), разумеется, вовсе не означало, что все эти многочисленные «города» и их администрация пользовались неограниченными муниципальными свободами¹²⁵. Они были давно лишены муниципальной организации в её античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не нуждались в нем, так как уже с VI - VII вв. (после упадка городских курий) её функции заменила местная чиновная администрация, подконтрольная центральному органу власти. Таким образом, этот признак городской жизни - городское управление - был в Херсоне, как и в Византии, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Ну а случаи бунтарского своеобразия, антиимператорских выступлений? За сотни лет херсонесской истории их зафиксировано только два - трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителями Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, случившееся около 896 г. Последнее исключительно редкое событие упомянуто Продолжателем Феофана наряду с памятной битвой с болгарами у Булгарофигона и взятием арабами города Корона в Каппадокии¹²⁶. Примечательно, что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Может быть мотив происшедшего в Херсоне был в какой-то степени «справедлив»? Во всяком случае, момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда «все фемы и тагмы переправились с Востока». Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному с убийством стратига Сицилии. Им был царский протоспафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добыть деньги для выплаты дани арабам¹²⁷. То есть в основе конфликта лежали финансовые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство горожан.

Выводы о сепаратистских тенденциях в Херсоне, «извечном стремлении херсонских городских влас-

тей к самоопределению и независимости» основываются, в основном, на предписаниях, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата «Об управлении империей» советовал применять в отношении херсонитов в случае их неповиновения центральной власти¹²⁸. Однако такого рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом ромейском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Например, свидетельства «Чудес св. Димитрия» показывают, что накануне последней осады Фессалоники славянами в 676 - 678 гг. среди высшего социального слоя горожан, её «первенствующих», имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Константинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена¹²⁹. В целом, ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона в 711 г., только вместо славян здесь присутствовали хазары.

В этом плане Опсикий был не менее «мятежен» с конца VII до конца VIII в., и города Вифинии, Никия, Никомидия, Пренет далеко не всегда были на стороне императорской власти¹³⁰.

Чем «самоуправляемый» Херсон отличался, скажем, от Селевкии -

крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах империи, только не северных, а ещё более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII - начале VIII вв., ещё до того, как Селевкия - метрополия Исаурии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирреоты, она сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, а её управление находилось в руках имперских чиновников, о чём свидетельствуют находки моливдулов¹³¹. Оппозиционные настроения периодически возникали и в южнопонтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патрикии Феофобе, знатном персе, командире так называемого «персидского отряда», талантливым военном сподвижнике василевса Феофила, женатом на его сестре, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвинённый в страшном преступлении - оскорблении величества, он «...пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами» нашёл убежище в Амастриде, принявшей «открытого врага царя». В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония¹³², оказался втянут в войну с императором и был осаждён флотом, которым командовал друнгарий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841 / 842 г. решил сдаться императору и, «держа в своём сердце страх Божий, сказал, что негоже

христианину радоваться пролитию крови благоверных людей», имея в виду, очевидно, амастрийцев и ромейских воинов¹³³. Случай почти классический! Однако никому из историков не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд «оплота вольнолюбия».

Обвинения в «сепаратизме» тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надёжной «тюрьмы» для политических преступников, которых не стали бы ссылать в неблагонадёжный город. Между тем, начиная с IV столетия перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попадавших в город или его округу, соседние каstra¹³⁴.

Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элуру, известному поборнику монофиситства, удавалось вызвать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку, устраивать в Ганграх «запрещенные сходки и беспорядки», отчего Лев I перевел его в 460 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый патриарх, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: он рассылал отсюда письма своим сторонникам в Томи, города Сирии, Египта, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди херсонцев своим религиозным взглядам, но такой «антиправительственной» поддержки, как от гангрцев, похоже, не имел¹³⁵.

При василевсе Ираклии в Херсон были сосланы осуждавшие официальный правительственный религиозный курс монахи - братья Феодор

и Евпрепий, которые до их смерти, последовавшей соответственно около 655 г. и 667 г., переводились в «племенные укрепления» (*castris gentium*), находившиеся в «земле готов» и, следовательно, остававшиеся под властью империи¹³⁶.

Говоря о херсонитах, как о не имеющих «... совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в ... сострадания»¹³⁷, противник церковной политики василевса Константа II (641 - 668), ярый ортодокс, ссыльный папа Мартин тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутьян Мартин был личным врагом крутого василевса, к тому же врагом на религиозной почве. Очевидно его появление в городе было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно. Вероятно, в Херсоне были не только сильны позиции монофиситов¹³⁸, но и безропотно принято официально введённое в середине VII в. монофелитство. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам Мартином, для которого последователи любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, «эллинами». «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь» - писал из Херсона ссыльный в одном из писем своим сподвижникам¹³⁹.

Позже херсониты, «заподозрив опасность для себя», открыли императору Тиверию Аписмару (698-705) крамольные замыслы ещё одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их лояльности к официальному константинопольскому правительству¹⁴⁰. Примечательно, что когда Юстиниан вернул власть, он, в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец¹⁴¹. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказались повинны он сам, его забывчивость, жажда мести, толкавшие на безумные поступки, а не неверность херсонитов.

Под 776 г. в «Хронографии» Феофана упоминается, что император Лев Хазар сослал «в Херсон и климаты» своего брата кесаря Никифора и других его сообщников - заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот и убийство василевса¹⁴². Для того, чтобы решиться на это, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник не найдёт сочувствия и поддержки у властей архонства и будет лишён каких-либо возможностей для реванша.

Неукротимые монахи столичного Студийского монастыря, не пожелавшие признать решений «антистудийского» собора 809 г. и склонившиеся перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, в числе которых упоминались Финия, Херсон, Сицилия, Фессалоника¹⁴³. Следовательно, император оставался убежден в благонадежно-

сти этих городов и мест и в том, что их население покорно разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам церкви. Спустя двенадцать лет Феодор Студит, обращаясь в одном из своих писем к находившимся в Херсоне ссыльным монахам - «студитам», призывал их крепиться и быть наставниками местных жителей, участвовавших в совершении здесь «страшных дерзостей» против Христа¹⁴³. Очевидно, имелся в виду официальный иконоборческий курс, вновь восстановленный в 815 году и поддерживаемый из Константинополя. В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон был надёжно связан с империей, без чего невозможно была бы переписка со ссыльными, которые должны были содержать себя за свой счёт, посылка им денег и продуктов¹⁴⁵. Ортодоксы - студиты были здесь не единственными иконопочитателями. При Льве V Армянин (813 - 820) в этих краях отбывал ссылку знаменитый подвижник православия, искусный проповедник Иоанн Психаит, при Миха-

иле III (842 - 867) - Иосиф Гимнограф (Песнописец)¹⁴⁶.

Херсон был прекрасно укреплен, обладал сплошной крепостной оградой (на отдельных участках двойной)¹⁴⁷. Двое больших ворот с принадлежавшими к ним башнями, прикрытые протехисмой, служили въездом в город. Число башен простиралось до 42, а самые стены достигали трех - четырехметровой толщины и во многих местах имели высоту около 10 м. Полицейский аппарат Херсона, по всей вероятности, был достаточно силён и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных его источников — политических ссыльных. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за отделение от империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения раннесредневековый Херсон являлся на удивление лояльным, послушным ромейским городом, а сами херсониты вполне образцовыми верноподданными ромеями.

Примечания

1. Артамонов М.И. История хазар. - Л., 1961. - С.302
2. Удальцова З.В. Дипломатия // Культура Византии вторая половина VII - XII вв. - М., 1989. - С.243
3. Богданова Н.М. Херсон в X - XV вв. Проблемы истории византийского города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ, - М., 1987. - С.17-18; ср. Богданова Н.М. Херсон в X - XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. - М., 1991. - С.91-92
4. Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // X. сб. - 1996. - Вып.7. - С.138; ср. Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. - М., 1985. - Ч.1. - С.42-63
5. Ср. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. - Л., 1983. - С.118

- 6 Алексеев Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. - 1996. - Вып 5. - С.155-170; Алексеев Н.А. К вопросу о существовании службы нотариусов в Херсоне // АДСВ. - Екатеринбург, 1998. - С.221-227; Алексеев Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских молливулов // Древности 1997 - 1998. - Харьков, 2000. - С.151, 154.
- 7 Corpus juris civilis. - Berolini, 1908. - Vol.1. Digesta. - I.5.17; Corpus juris civilis. - Berolini, 1904. - Vol.3. Novellae. - 78; Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E.Heimbach, G.E.Heimbach. - Lipsiae, 1846. - Vol.4. - XLVI.1.14; Basilicorum libri LX. Ser. B(Scholia) / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda. - Groningen, 1963. - Vol.7. - P.2732 - 2733; Gorla F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalita: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). - Napoli, 1984. - P.301-302
- 8 Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. - Серия VIII по истор. - фил. отд. - Т.8. - №3. - СПб., 1906. - Гл.5, с.59,10; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. - М., 1980. - С.40; Theophanes Continuatus e rec. I Bekkeri. - Вошпае, 1838. - P.123; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. - М., 1989. - Гл.42, 45-46, с.172
- 9 Ср. Бородин О.Р. Византийская Италия в VI - VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). - Барнаул, 1991. - С.284
- 10 История Византии. В 3 т. - М., 1967. - Т.2. - С.171
- 11 Погодин П.Д., Вульф О.Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. - 1897. - Т.2. - С.85
- 12 Synesi episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interprete D.Petavio // PG. - 1863. - Т.66. - Ep. 73, col.1437
- 13 Ср. Лебедева Г.Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII - IX вв. // Средневековый город. - Саратов, 1981. - Вып.6. - С.111 - 113
- 14 Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. - №63. - С.37-38, 53; Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. - (1994) 1995. - Вып.4. - С.588; Алексеев Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... - С.151
- 15 Treadgold W.R. Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth-Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. - 1980. - Vol.21. - P.278, note 32; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. - Симферополь, 1998. - Вып.6. - С.689-700; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - Симферополь, 1997. - Вып.1. - С.312-323
- 16 Harnack Chr. Annexions et reconquetes byzantines. Peut-on parler d'un unitarisme byzantin? // Irenikon. - 1993. - №66. - P.451-474. Более того, в свое время А.Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице «протов или протевонов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.», продолжало существовать, «хотя и с меньшим значением», в X в. и лишь в следующем столетии «в основном» прекратило существование - см. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII - XIV вв.) / МИА. - 1950. - №17. - С.19-20. Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращая внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противостественное для права и менталитета Романии словосочетание - «самоуправляемый имперский город».
- 17 Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. - М., 1917. - С.77, 78; Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т.1: Текст. - Пг., 1920. - С.201,8; 464,6

18. Antonopoulou I. The «Aristocracy» in Byzantium: Evidence from the *Tactica* of Leo VI the Wise // *Byzantiaka* - 1993. - Т.13. - P.151-160
19. Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАНИК. - 1900. - Т.5. - С.64, 74, 75
20. Рудаков А.П. Очерки... - С.78-79
21. Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII - середина IX в.) // ВВ. - 1967. - Т.27. - С.68
22. Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.160-161 №45, 45 а; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ Вып. 27) - Симферополь, 1995. - С.95
23. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - Гл.50. 23-41; 51. 199-204, с.436-437, Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX - XI вв. // МАИЭТ. - 1998. - Вып.6. - С.710-711, №9
24. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... - С.710
25. Ср. Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ - Екатеринбург, 1998. - С.302-303, рис.2, 4
26. *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt* // *Ius graeco-romanum* / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. - Lipsiae, 1857. - Vol.3. - Col. I, nov.5, p.10-13, Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. - М., 1876. - С.29
27. См. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. - М., 1993. - С.430; Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. - Л., 1971. - С.204; Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). - М., 1984. - С.110
28. *Basilicorum libri LX* / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. - Lipsiae, 1833. - Vol.1. - X. 2. 31
29. Bratiano G. *Privileges et franchises municipales dans l'empire Byzantin*. - Paris, 1936. - P.43 sq.; Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. - 1994. - Т.55. - С.71-72
30. Beck H.-G. *Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer fruhmittelalterlichen Stadt* // ВЗ. - 1965. - Bd 58. - Hf.1. - S.18
31. Бородин О.Р. Византийская Италия ... - С.46-49, 51-53, 59-60, 69-70, 209, табл.1-2
32. Труды В.Г. Васильевского. - Т.3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. - Пг., 1915. - С.26. 5-6
33. Там же. - С.84, гл.14
34. *Theophanes Continuatus* ... - P.239: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. - СПб., 1992. - С.103 (V. 18)
35. Брентано Л. Народное хозяйство Византии. - Л., 1924. - С.49; Бородин О.Р. Указ. соч. - С.70, табл.2
36. См. Удальцова З.В., Бибииков М.В., Чичуров И.С. Византистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. - 1987. - Т.48. - С.6
37. В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан. О положении Херсона в конце V-VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. - 1998. - Вып.9. - С.123, 124-126
38. Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.159, №43; Степанова Е.В. О конференции памяти А.В. Банк // ВВ. - 1988. - Т.49. - С.258; Соколова И.В. О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. - 1991. - Т.23. - С.94-102; Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. - Washington, 1991. - Vol.1. - P.186, №82. 10
39. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С.94; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.165 - 167, №14-15
40. Подр. см. Храпунов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *patres tes poleos* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. - Симферополь, 1999. - С.162 сл.
41. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.164, №13

42. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremonis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. - Bonnae: Weber, 1829. - Vol. 1. - P. 264. Guillard R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. - L'Eparque. I. L'Eparque de la ville O Eparchos tes poleos // BS. - 1980. - T. 41. - F. 1. - P. 19
43. Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С. 162-163. №13. ср. Corpus juris civilis. - Berolini, 1895. - Vol. 2: Codex Justinianus. - XII.37.19; Feissel D. Nouvelles donnes sur l'Institution du pater tes poleos // Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. - Paris, 1987. - P. 219-220
44. Koch P. Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. - Jena, 1903. - S. 19, 33
45. Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С. 163-163
46. Koch P. Op. cit. - S. 82-83
47. Соколова И.В. Монеты и печати ... - С. 114, 146, №4
48. Алексеевко Н.А. Новые находки печатей ... - С. 160-161, №8-9
49. Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. - СПб., 1912. - Т. 2. - Вып. 2. - С. 416-417, гл. 5, с. 424-425, гл. 9
50. Житие Иоанна Готского. - С. 416. Подр. см. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Житие и гробель Херсонеса. - Харьков, 2000. - С. 232-240
51. Michaelus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. - Turnhout, 1976. - T. 99. - Col. 252-254
52. См. Захвалова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. - Л., 1991. - С. 156
53. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - 1990. - Вып. 1. - С. 67
54. Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondians et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. - Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. - Berolini, 1905. - Vol. 1. P. 2. - XVI.9.40.24; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999. - С. 83
55. Corpus juris civilis. - Berolini, 1904. - Vol. 3: Novellae / Rec. R. Schoell. Opus Schoelli morte interseptum absolvit G. Kroll. - P. 751, nov. 163, cap. 2
56. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V - VI вв. - С. 118-121; ср. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 22; Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. - 1993. - Вып. 3. - С. 138
57. Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. - 1906. - Вып. 18. - С. 122-123; Латышев В.В. сборник греческих надписей христианских времен из южной России. - СПб., 1896. - С. 107; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 67-68
58. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Указ. соч. - С. 123-124
59. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма ... - С. 68; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь, 1992. - С. 191; Герцен А.Г. Мангуп - крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV - IX вв.). Тезисы докладов междунар. конф. - Симферополь, 1994. - С. 10-11; Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международный науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - С. 33. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999. - С. 111-120; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. ... дис. докт. ист. наук / МГУ. - М., 1999. - С. 34-35, 37
60. Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 26). - Барнаул, 1996. - С. 193-194, рис. 4
61. См. Алексеевко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... - С. 145-146, 148-150, №6-7; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ... - С. 35-37

62. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. - 1991. - Т.52. - С.204, №3; Алексеевко Н.А. Провинциальный Херсон ... - С.145-146, №8-9
63. Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum ... - Col. I, nov. 5, p.13
64. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса. - С.203, 206, № 13; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. - С.193
65. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. ... - С.203, №41-43; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. - С.193 - 194, рис. 3, 5; Alexeeenko N.A. Unique find of the group of byzantine lead seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. - Copenhagen, 1996. - P.8414
66. Алексеевко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев ... - С.227
67. См. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона. - С.138; Алябьев А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - С.195-196
68. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.64, 164
69. Баранов И.А. Указ. соч. - С.138
70. Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона - С.156-157, №1-3
71. Bury J.V. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. - London, 1911. - P.25-27
72. Степанова Е.В. Печати эзархов Италии // Византия и Ближний Восток. - СПб., 1994. - С.59-60, 65, №7, табл. I.4; II, 2
73. Там же. - С.67-68
74. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон. - С.91-92
75. Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X - XI вв.). - М., 1994. - С.38
76. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»: Пер. с греч. Г. Ласкина - М., 1899. - С.20-21
77. Bury J.V. The Imperial Administrative System in the Ninth Century ... - P.136-137
78. Ср. Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. - Stanford, 1988. - P.17
79. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.164-165, 181
80. Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. - Свердловск, 1965. - Вып.3. - С.154; Cheynet J.-Cl. L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson // Международ. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - P.95; Oikonomides N. L'archonte slave de l'Hellade au VIIIe siecle // ВВ. - 1998. - Т.55 (80). - Ч.2. - P.111-119; ср. Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. - 1957. - Т.12. - С.47-48; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. - Белград, 1978. - Т.18; Angold M.A. Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy. - Oxford, 1984. - P.236-253
81. Ср. Панченко Б.А. Каталог мливодвулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. - 1903. - Т.8. - Вып.3. - С.231-232, №79 / 80
82. Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. - Basel, 1972. - Vol.1. Paris I-3. - №1973, 2345, 3106, 3113; Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.76, 169, 174, №1, 5-13; Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. - С.156-157, №1-7
83. Bury J.V. Op. cit. - P.13-15, 136 f.
84. Ср. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. - XII в. н.э.). - К., 1977. - С.115; Соколова И.В. Администрация Херсона в IX - XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. - 1973. - Вып.10. - С.208; Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.112; Алексеевко Н.А. Указ. соч. - С.163
85. Ср. Баранов И.А. Административное устройство ... - С.139
86. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - Гл.42. 41-47, с.172; Theophanes Continuatus. - P.123

87. Продолжатель Феофана. - С. 56 (III, 28), Константин Багрянородный. Об управлении ... - Гл. 42, 52, с. 172
88. Алексеенко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. конф. «Византия и Крым», Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - С. 11-12. Не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул илата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане (см. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С. 156-157, №2, 3; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С. 91-92). Во всяком случае, печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречающимся среди херсонской знати VIII в. именем (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С. 40, 41, 130-131, 156; Theophanes Chronographia / Rec. S. de Voog. - Lipsiae, 1885. - Vol. 2 - P. 241, 242), разделяет небольшой промежуток времени (первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа именитых уроженцев города, который в начале своей чиновной карьеры на службе вассалусу возглавлял архонтию Херсон, а позже был «избран» (proballoy), как и Петрона, фемным стратигом, то есть повышен в должности.
89. Theophanes Continuatus. - P. 124; Константин Багрянородный. Об управлении ... - Гл. 42, 53-54, с. 172
90. Ср. Баранов И.А. Указ. соч. - С. 140
91. Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... - С. 146, 148, 152, №10
92. Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. - 1898. - Т. 3. - С. 115; Oikonomides N. Les Listes de preesance byzantines des Ixe et Xe siecles. - Paris, 1972. - P. 48-49; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. - М., 1956. - С. 321; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. - С. 691 сл.
93. Успенский Ф.И. Византийская табель ... - С. 124; Oikonomides N. Les Listes ... - P. 56-57
94. Успенский Ф.И. Указ. соч. - С. 119
95. Там же. - С. 123
96. Там же. - С. 115, 124
97. Баранов И.А. Административное устройство ... - С. 139-140
98. Успенский Ф.И. Византийская табель ... - С. 124
99. Там же. - С. 126
100. Вугу J.V. Op. cit. - P. 41-46, 139
101. Ibid. - P. 42
102. Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. - Л., 1991. - С. 142
103. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса. - С. 203, 212, № 49-51 (печати комита tes kortes и турмарха); Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. - С. 193 сл.; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С. 91-97; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // Studies in Byzantine Sigillography / Ed. N. Oikonomides. - Washington, 1995. - Vol. 4. - S. 140-146; Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. - С. 221 сл.
104. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». - С. 23
105. Ср. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. - К., 1994. - 59-78, 139-140, 148
106. Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... - S. 147-148
107. Степанова Е.В. Печати Сицилии VIII-XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. - Екатеринбург, 1998. - С. 291
108. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С. 91-94; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... - S. 140-144; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... - С. 702-733, №1-34; ср. Вугу J.V. Op. cit. - P. 25-27
109. Зайбт Н., Зайбт В. Указ. соч. - С. 92, 95

110. Успенский Ф. И. Византийская табель ... - С.131
111. Вугу J. V. The Imperial Administrative System ... - P.146-148; Успенский Ф. И. Византийская табель ... - С.114; ср. Алексеенко Н. А. Стратиги Херсона ... - С.739, прил.1, № 60-61
112. Баранов И. А. Административное устройство ... - С.141
113. Успенский Ф. И. Указ. соч. - С.118
114. Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. - Харьков, 1997. - С.25, 26; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... - S.140
115. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса ... - С.113-115, 125; Соколова И. В. Монеты и печати ... - С.34-36, 112, табл. VI-VIII; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - С.124; ср. Salamon M. Mennictwo bizantynskie. - Krakow, 1987. - S.213-214, rys 161-164
116. Соколова И. В. Указ. соч. - С.79, табл. VII; Salamon M. Op. cit. - S.213-214, rys. 165
117. Соколова И. В. Указ. соч. - С.38-39, 43, 116, табл. VIII; Salamon M. Op. cit. - S.214
118. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С.94; ср. Соколова И. В. Монеты и печати ... - С.117
119. Соколова И. В. Указ. соч. - С.30-33
120. Salamon M. Mennictwo bizantynskie. - S.118-120, 150, 164, 174-175, rys 64-67, 108, 109, 120
121. Salamon M. Op. cit. - S.80-172
122. Ibid. - S.169, 170, 189, 192
123. Ibid. - S.108, 110
124. Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV - начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 год. - М., 1983. - С.56 сл.
125. Ср. Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. - Leipzig, 1899. - S.70
126. Theophanes Continuatus. - P.360. 14-18; Продолжатель Феофана. - С.150 (VI. 10)
127. Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. - Berlin; Amsterdam, 1967. - Vol.2. - P.191
128. Константин Багрянородный. Об управлении ... - Гл.53. 512-529, с.274; Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter // BS. - 1992. - Т.53. - F.2. - S.204
129. Иванова О. В. Славяне и Фессалоника во второй пол. VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия» // Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв. - М., 1985. - С.91
130. Lounghis T. C. A Deo conservandum imperiale obsequium. Some notes concerning byzantine field troops during the Dark Ages // BS. - 1991. - Т.52. - P.54-60
131. Zacos G., Vegliery A. Byzantine Lead Seals. - Basel, 1972. - Vol.1. - Pts 2-3. - №727, 1074-1076, 1157, 1335-1337, 1419, 1433, 1684, 1773; Zacos G. Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J. W. Nesbitt. - Berne, 1984. - Vol.2. - №144, 336, 338, 344; Foss C. The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. - 1975. - Vol.90. - P.729-730; Edwards R. W. The Fortifications of Armenian Cilicia. - Washington, 1987
132. Возможно, создание здесь фемы тоже было связано со стремлением укрепить позиции центральной власти.
133. Theophanes Continuatus. - P.135-136; Продолжатель Феофана. - С.61 (III. 38)
134. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. - 1907. - Вып.23. - С.14; Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter. - S.210
135. The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene, by F. Hamilton, E. Brooks. - London, 1899. - P.79-100; V. 11; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения ... - С.25, 48
136. Vasiliev A. The Goths in the Crimea. - Cambridge (Mass), 1936. - P.78; Seibt W. Probleme der Staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // Междунард. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - S.100
137. Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. - М., 1991. - С.179-180

138. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - С.194-195
139. Бородин О.Р. Римский папа Мартин ... - С.179-180
140. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.39, 62, 155, 163
141. Там же, с.41, 64, 157, 165
142. Там же, с.46, 68
143. Theodor Studitae Epistulae // PG. - 1864. - Т.99. - I. 97-98; Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита в рус. переводе...с научно-историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями - СПб.,1908 - Ч.2. - I. 87-88; II. 294; Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский / Записки имп. Новороссийского ун-та. Т.113. - Одесса,1914. - С.649
144. Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита ... - С.454-455 (письмо ХСII от 821 г.)
145. Там же. - С.455
146. Van der Ven P. La vie grecque de S. Jean le Psichite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813-820) // Le Museon. Nouvelle serie. - 1902. - Т.3. - P.97-125; Vita Sti Josephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani // PG. - 1864. - Т.105. - Col.939-974; Лопарев Хр. М. Византийские жития святых VIII-IX вв. // ВВ. - 1913. - Т.18. - Вып.1-4. - С.4, 12; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. - Пг., 1914. - С.227, 235
147. Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса ... - С.152